

УПРЕЖДАЮЩИЙ ГОЛОС

Приветствуя Солженицына, вернувшегося в Россию триумфатором, поставившим на колени восемнадцатимиллионную армию красnobилетчиков-коммунистов, писатель Георгий Владимов не заблуждался насчёт ближайшего будущего этого великого человека: «Быть костью в горле, быть режущей соринкой в глазу, быть песчинкой, царапающей общественную совесть — много это или мало?»

В стране, где «командные высоты захвачены вполне бессовестными ситуантами, которые в трудные времена помалкивали... а дождавшись до власти материальной, они, естественно, замахнулись и на духовную». И эти партапаратчики второго и третьего порядка, и пригревшиеся на их подачках московские профессионалы сферы «интеллектуальных услуг», разумеется, не желали, чтобы какие-то соринки царапали их склеру, или так называемую совесть. Уже в сентябре 1995-го Солженицын без всякого предуведомления был снят с телевизионного экрана. Армия постмодернистов, не упускавшая случая изучить карманы своих великих предшественников, открыла «огонь на поражение», объявив Солженицына «аятолой», «пещерным монархистом», писателем, не представляющим никакого интереса в современном литературном процессе. Называть имена этих сочинителей — много чести для них будет, хоть и наколоты они все для будущего историка. В присутствии гиганта все остальные чувствуют себя неуверенно; даже преклоняющийся перед ним Георгий Владимов предсказывал: «...что бы ни делал этот человек, почти любой его поступок может быть прочтён как жест, имеющий значение символическое». Если кто-то претерпевает прижизненную сакрализацию —

попробуй он себе позволить обыденное поведение! И тот же Георгий Владимов одним из первых упрекнул: зачем Александр Исаевич отправился отдельным вагоном через всю Россию! Да ещё с остановками! *Смотрел бы себе, как все, в окно мчащегося скорого...*

Особенно неприятно терзала слух постсоветского обывателя последовательно выдерживаемая отчуждённая солженицынская речи — в отношении ко всему, что до событий последнего лета преподносилось как торжество демократии. Пророк, не желающий считаться с реалиями исторического процесса, отшельник, разошедшийся с собственным народом, анахорет и, наконец, колоритнейший шаман с бубном в одной из программ «Куклы» — вот каким работники массовой медиа желали представить Солженицына рядовому россиянину. Страстная политизированность его выступлений мешала обывательскому пищеварению. «Хватит политики, давайте работать, зарабатывать деньги», — заклинал с экрана петербургского телевидения один из ведущих тогда, в 1995-м наших городских банкиров. Как видно — без политики не вышло.

Пророчества Александра Исаевича — того же свойства, что и формулировки теорем: они доказательны, а доказательства может проверить каждый сведущий. Однако не станем упрощать себе задачу, подбирая суждения и оценки Солженицына девяностых годов, своевременно согласившись с которыми власти избежали бы и чеченского позора, и конфуза с обвальная приватизацией и криминального беспредела. Это ещё и не история — слишком всё трепещет и болит. Да и едва ли не всякому теперь кажется, что не нужно и Солженицыным быть, чтобы констатировать провал реформ, криминализацию власти, утрату национального достоинства. Поставим задачу шире: если Солженицын не «пророчесствует» по божественному наитию, а говорит расчётливо, пропуская через себя потоки чисел, имён и документов, насколько оправдались его *давние* прогнозы *теперь* — прогнозы сделанные не вчера, четверть века тому назад. И здесь не «Россия в обвале» годится, а высказанное им в разных местах и пол разным случаям в период торжества «развитого социализма» не позже 1976 года. Из Нобелевской лекции (премия присуждена осенью 1970-го, лекция датирована 1972-м): «Человечество стало обнадёжно единым и опасно единым... *Внутренних дел* вообще не

осталось на нашей тесной Земле! И спасение человечества только в том, чтобы всем было дело до всего». С тех пор отбушевал ужас полпотовского геноцида в Кампучии, доисторический кошмар межплеменного африканского побоища (хуту против тутси), агрессия Ирака против беззащитного Кувейта, остановленная вмешательством войск международного сообщества. Длятся балканский конфликт, двадцатилетняя гражданская война в Афганистане, развязанная исламскими фундаменталистами резня в Алжире. Всюду не обойтись без вмешательства миротворческих сил, а тогда, в 72-м, только и слышалось: «это наши внутренние дела» и «не позволим!» А ещё и Чернобыль, и Спитак, и тысячи тонн гуманитарной помощи... «Любая профессиональная группа, как только находит удобный момент *вырвать* кусок, хотя б и не заработанный, не избыточный, тут же вырывает его, а том хоть всё общество развалилось». Написано *о западном* обществе, но разве это не метит в цель, когда узнаём, как энергетики снимают напряжение с атомных станций, шахтёры блокируют железнодорожное сообщение, парализуя страну, банкиры повсеместно задерживают платежи, чтобы прокрутить поступающие на их счета бюджетные деньги.

А вот — из других выступлений, не позже 1976-го. «Демократии — это острова, потерянные в необъятном потоке истории. Вода всё время поднимается. Самые простые законы истории не благоприятствуют демократическим обществам» (интервью журналу «Ле Пуэн», декабрь 1970). Но пустили мы и этот оклик, зато во все уши внимали Френсису Фукуяме с его «*концом истории*», будто бы наступающим в силу всеобщей демократизации мира. Теряли драгоценные годы, регламентно насаждая вождельённые демократические механизмы — будто только в том и дело, чтобы закон благостный написать на бумажке да по регламенту протолкнуть его большинством.

А как не вспомнить недоуменную насторожённость советской интеллигенции, умилённо повторявшей слова академика Сахарова о будто бы неизбежной конвергенции двух систем при неожиданно диаметрально противоположном солженицынском ответе: «И не «конвергенция» ждёт нас с западным миром, но — полное обновлением перестройка и Запада и Востока, потому что оба — в тупике». Это из его знаменитого «Письма вождям, датированного 1974-м!» (Подид-

вимся лексической пронизательности наших национальных гениев: слово «гласность» восходит к А.И. Герцену; Александр Солженицын призвал к перестройке за тринадцать лет до начала её горбачёвской реализации.) И ведь только сейчас эту столь неудобную теорему подтверждают высказывания ведущих лиц Запада. Джордж Сорос в последние месяцы говорит о наступлении глобального кризиса мировой капиталистической системы. А годом раньше вице-президент США А. Гор однозначно определил системный тупик, в котором оказалось мировое сообщество, как кризис рыночно-потребительской цивилизации».

В том же «Письме вождям» за 18 лет до создания СНГ Солженицын писал: «Вся мировая история показывает, что народы, создавшие империи, всегда несли духовный ущерб. Цели великой империи и нравственное состояние народа несовместимы.» И ещё — там же: «Не может быть и речи о насильственном удержании в пределах нашей страны какой-нибудь окраинной нации». В совсем недавнем «Как нам обустроить Россию» (1989) ещё до Беловежской Пущи — писал: «НЕТ у нас СИЛ на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч». Разве он и тут не был прав?

Но есть предвидения-предостережения, которые ещё не поздно учесть и сегодня. Прочтите номер «Правды» от 26 ноября с докладом Зюганова на втором съезде народно-патриотического Союза России. Коммунист Зюганов, назвавший в ряду наших великих предшественников Иосифа Сталина, утверждает нынешних патриотов наследниками этих великих... КПРФ, по его словам, является важнейшей частью НПСР. Тут подлог на подлоге. И слова Солженицына из 1974-го опять бьют в цель: «Что такое совмещение марксизма с патриотизмом? — бессмыслица. Эти точки зрения можно «слить» только в общее заклинание, на любом же конкретном историческом вопросе эти точки зрения всегда противоположны. Это так явно, что Ленин в 1915 году даже декларировал: «Мы антипатриоты». И то было истинно, искренне. И все 20-е годы слово «патриот» у нас значило абсолютно то же самое, что «белогвардеец». («Письмо вождям») А при «великом предке» Иосифе Сталине — до 1934-го — сам термин «патриот» считался в России преступным. Всё русское подвергалось презрению в выступлениях, в прессе» (интервью

журналу «Ле Пуэн»). Коммунисты — теперешние особенно — вот они-то профессиональные шулера, никак не вправе называть себя патриотами. «Коммунизм — это не русское, но мировое явление. Он засел в России, он использовал Россию» (там же). И вот теперь эти пришлецы, истреблявшие церкви и расстреливавшие священников тысячами, устами Зюганова велеречиво заверяют: «...внимаем духовному слову Православной Церкви. Оберегаем религиозные ценности всей многоязычной и многонациональной России».

Солженицын с математической точностью предсказал сущность новоявленной КПРФ почти за двадцать лет до её регистрации. На пресс-конференции в Стокгольме (1974) он дал отповедь Рюю Медведеву, подсказывавшему неповоротливым кремлёвским вождям, что «нужна новая социалистическая партия, свободная от ответственности за преступления прошлого». То есть, — поясняет Солженицын, — одна партия уже зарезала 60 миллионов человек, её рук уже не отмывать, — так переформируемся в другую и начнём заново. «Возрождение марксизма» у Рюя Медведева примерно такое, как если бы в Германии появился сейчас публицист, который бы доказывал, что «у Гитлера теория была правильная, а исполнение неудачное» И это предостережение наши правители пропустили мимо ушей!

И зря пропустили. В голосе Зюганова сегодня звучит металл Ильича в октябре: «Режим фактически рухнул, раздавленный тяжестью своих злодеяний... Каждый день был днём священной народной борьбы против внешних и внутренних ненавистников России. Если упустим появившуюся у нас возможность переломить ситуацию в стране, второй возможности у нас не будет» («Правда», 1998 г., 26 ноября),

Этого только глухой не услышит. Переворот на пороге. Так будем же слушать живого Солженицына. Он не ошибается.

В кн. «Между двумя юбилеями 1998-2003». Альманах.
Москва. «Русский путь». 2005.